

На правах рукописи

Суслов Андрей Борисович

**Спецконтингент в Пермском крае
в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург
2004

Диссертация выполнена на кафедре отечественной истории Пермского государственного педагогического университета

Научный консультант:	доктор исторических наук, профессор О.В.Волобуев
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор В.М.Кириллов
	доктор исторических наук, профессор С.А.Красильников
	доктор исторических наук, профессор В.П.Мотревич
Ведущая организация:	Пермский государственный технический университет

Защита состоится 24 сентября 2004 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (6120083, г.Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В.А.Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость проблемы. История политических репрессий в нашей стране еще долго будет актуальной темой исследований. Суровые уроки прошлого должны стать предостережением и для россиян, и для всего человечества. Описание репрессивной системы во всех деталях дает возможность понять ее неразрывную связь с общественным и политическим строем СССР и уничтожением личности этой системой как главного преступления советского режима.

Рабство – фундамент тоталитарной системы. Это понятие в широком смысле слова охватывает не только принудительный труд несвободных людей. Свободные (формально) люди тоже были рабами Системы. Повиновались всем приказам свыше. Наибольшее, что могли себе позволить, – молчание в знак несогласия. Исключения – единичны. Выполнение воли вождей вошло в привычку, стало частью сознания и нормой жизни.

Сужая семантический смысл слова «рабство», рабским можно назвать труд подавляющего большинства советских людей. Многие из них до сих пор ностальгически вспоминают сталинские времена и ни за что не согласятся считать себя «угнетенными», «зависимыми», «рабами». Раб, радующийся своей долей, благословляющий своего хозяина, не замечающий унижения человеческого достоинства – не редкость для мировой истории. Только зашоренность мышления может помешать увидеть, что подавляющее большинство населения Советского Союза оказалось в той или иной степени зависимо от государства.

Следует заметить, что для Советского Союза характеристика какого-либо труда как «вольнонаемного» весьма условна, поскольку на деле речь может идти только о различных формах принуждения к труду различных категорий зависимого населения. Иначе придется всерьез признать вольным труд колхозников, лишенных свободы передвижения, и труд рабочих, фактически прикрепленных к своим предприятиям, под угрозой лишения свободы. Поэтому понятие «вольнонаемный труд» в данной работе используется для того, чтобы разграничить труд формально свободного населения и спецконтингента, количество степеней свободы которого было значительно меньше. Некоторые историки предпочитают характеризовать труд в СССР в целом как «принудительный», а труд спецконтингента, как «подневольный». В данном исследовании будет использоваться традиционное словопотребление.

Среди советских людей были и те, чье принуждение к труду никто не отрицал и не отрицает. Мощь и значение сектора принудительного труда для советской экономики с конца 20-х и до начала 50-х гг. нельзя игнорировать. Привлеченные к труду не по своей воле использовались прежде всего на «черной» работе. Рабский, в сущности, труд при экономии на зарплате, питании и социальной сфере давал государству видимую экономию. Изучение того, кто были эти люди, каков их социальный статус, каким образом они рекрутировались, как они жили, как был организован их труд и что он значил для экономики страны – чрезвычайно актуальная задача для социальной и экономической истории отечества. Необходимо разобраться и в причинах широкомасштабного и долговременного использования в СССР принудительного труда, неэффективного и малопродуктивного, в чем уверены как узники ГУЛАГа, так и многие экономисты.

Таким образом, написание истории спецконтингента имеет общественную и нравственную актуальность, позволяет отдать дань памяти миллионам жертв сталинизма. Научная актуальность проблемы также велика, поскольку, не замечая особую социальную группу советского общества, растворяя ее в составе других групп, мы пишем историческое полотно неточными мазками. Воссоздание объективной социальной истории конца 20-х – начала 50-х гг. невозможно без пристального изучения спецконтингента как особой группы зависимого населения СССР.

Объектом исследования является спецконтингент. Казенный ярлык «спецконтингент» получала большая часть людей, попавших под каток сталинских репрессий. В состав этой особой социальной группы советского общества включались различные, весьма многочисленные группы несвободного населения: заключенные, спецпоселенцы, трудармейцы, военнопленные, интернированные, узники проверочно-фильтрационных лагерей. Большая часть из них привлекалась к принудительному труду. Степень их свободы или, точнее говоря, несвободы была различной, отличались формы и методы принуждения к труду. Общей оставалась политика режима по отношению к спецконтингенту, сочетавшая изоляцию потенциально опасных, с точки зрения власти, слоев с использованием их труда для развития народного хозяйства.

Словечко «спецконтингент» родилось в недрах ГУЛАГа и пока еще не стало общеупотребимым термином. Однако, несмотря на происхождение и неблагозвучность, его все же следует принять для обозначения перечисленных выше групп несвободного населения. Всем им присущ целый ряд родственных признаков, что обуславливает необходимость использования обобщающего термина. Придумывать же неологизм взамен пусть неудачного, но существующего термина вряд ли разумно. Более того, принять термин просто необходимо, если мы придадим ему не бюрократический, а исторический характер, выделив особую социальную группу зависимого населения СССР.

Кемеровский исследователь Р.С.Бикметов справедливо отмечает, что до последнего времени историки не задумывались над определением категории «спецконтингент», и дает собственную дефиницию: «Под спецконтингентом мы понимаем совокупность различных категорий репрессированного на-

селения насильственно вовлеченного в производственные процессы и содержащегося на режимных условиях»¹. По-видимому, целесообразно расширить круг подпадающих под определение спецконтингента категорий, включив сюда всех репрессированных, содержащихся на режимных условиях, иначе из поля нашего зрения выпадут заключенные тюрем, спорным станет вопрос об отнесении к спецконтингенту этапированных и т.д. Но в предлагаемом исследовании речь пойдет главным образом о категориях репрессированных, насильственно вовлеченных в производственные процессы.

Предметом исследования является генезис советской пенитенциарной политики, социальный и правовой статус, положение и труд различных категорий спецконтингента.

Территориальные рамки. Исследование охватывает пределы современного Пермского края, который в начале исследуемого периода входил в состав Уральской области в виде Пермского, Верхне-Камского, Коми-Пермяцкого и Кунгурского округов, с 1938 г. носил название Пермской, потом Молотовской (с 1940 г.) и снова (с 1957 г.) Пермской области, в 90-е годы существовал в виде двух субъектов Российской Федерации (Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ) и в 2005 г. конституируется как Пермский край.

В Пермском крае имелись крупные запасы леса и полезных ископаемых, в годы первых пятилеток здесь строились сотни индустриальных объектов, в том числе десятки предприятий, ставших флагманами индустриализации. В годы войны к ним добавились эвакуированные заводы и фабрики. С другой стороны, Западный Урал являлся удаленной от центра и хозяйственно малоосвоенной территорией. Все это обусловило широкомасштабное применение принудительного труда в регионе, перемещение сюда больших масс подневольных работников. Таким образом, Пермский край может рассматриваться как исторический полигон, на котором наглядно представлено развитие советской пенитенциарной политики сталинской эпохи, воспроизводившейся в основных чертах и в других регионах страны. В исследуемый период он являлся одним из наиболее значимых регионов дислокации спецконтингента; здесь размещались все изучаемые категории спецконтингента: заключенные, спецпоселенцы, трудармейцы, узники ПФЛ, военнопленные и интернированные. В совокупности это дает возможность достаточно полно реконструировать место и роль спецконтингента в советском обществе конца 20-х – начала 50-х гг., а также выявить специфику его положения в российских регионах.

Хронологические рамки. Выбор конца 20-х гг. в качестве нижней хронологической границы обусловлен переломным характером исторических явлений, имевших место в это время: сосредоточение власти в руках И.В.Сталина, свертывание новой экономической политики, начавшиеся формирование индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, вызревание новых пенитенциарных концепций и т.д. Именно поэтому данную Сталиным характеристику конца 20-х как времени «великого перелома» принимает большинство историков. Выбор начала 50-х гг. как верхней хронологической границы исследования также вполне логичен. В марте 1953 г. скончался И.В.Сталин, начинается разложение тоталитарной системы, начинается кризис и реорганизация пенитенциарных структур. Потрясения и преобразования 1953-1956 гг. представляют сложный конгломерат социально-экономических и политических процессов и заслуживают самостоятельного изучения.

Характеризуя сегодняшнюю историографическую ситуацию в целом, следует отметить, что накоплен немалый опыт в изучении истории политических репрессий в СССР, различных групп спецконтингента, отдельных аспектов использования принудительного труда и т.д. Однако историографический анализ, осуществленный автором в первой главе диссертации показал, что при всем многообразии научной литературы по истории политических репрессий в СССР и по различным категориям спецконтингента до сих пор отсутствует комплексное исследование, посвященное спецконтингенту в конце 20-х – начале 50-х гг. как на региональном, так и на всероссийском или всесоюзном уровне. Исследователи, с одной стороны, пока еще не смогли подняться до комплексного, панорамного видения проблемы, позволяющего в многообразии зависимых социальных элементов выделить особую социальную группу – спецконтингент. С другой стороны, многие историки отказываются от попыток «видеть в малом». Между тем, изучение проблемы на микроуровне позволяет увидеть такие закономерности и особенности функционирования системы, которые не заметны при глобальном подходе.

Принимая во внимание степень изученности проблемы и общий вектор исторических изысканий в рассматриваемой предметной области, сформулируем **цель и задачи исследования**.

Цель работы – комплексное исследование жизни и деятельности спецконтингента в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в. на примере Пермского региона.

Задачи исследования:

- определить степень изученности проблемы и составить характеристику источниковой базы;
- проследить эволюцию пенитенциарных концепций и структур сталинской эпохи;
- изучить в историческом аспекте дислокацию и размещение заключенных, спецпоселенцев, трудмобилизованных НКВД, военнопленных, интернированных и узников проверочно-фильтрационных лагерей в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг.;
- проанализировать правовой статус, жилищно-бытовые условия,

---

¹ Бикметов Р.С. Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса в 1930-е - середине 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000, С.18.

использование и стимулирование труда спецконтингента в конце 20-х – начале 50-х гг.;

- выявить причины и проявления произвола по отношению к спецконтингенту, пределы самоуправления гугаговских начальников, характер унижения человеческого достоинства исследуемой социальной группы,

- на материале Пермского региона изучить возможность сравнительного анализа эффективности вольнонаемного и принудительного труда в СССР и сформулировать гипотезы об эффективности принудительного труда в конце 20-х – начале 50-х гг.

В целом замысел работы основывается на том, что исследование генезиса, условий жизни, правового положения, деятельности спецконтингента, места и роли этой социальной страты в советской общественно-политической системе на примере весьма значимого региона страны позволяет изучить проблему в исторической конкретике, соотнести региональную специфику с общими для всей страны тенденциями, выдвинуть ряд гипотез, задающих направление аналогичным изысканиям в других регионах.

Методология исследования. Методологической основой исследования стали традиционно применяющиеся в исторической науке принципы и методы. В первую очередь следует назвать принципы историзма и научной объективности. Применение принципа историзма к изучению спецконтингента предполагает выяснение причин и тенденций формирования этой группы зависимого населения СССР, динамики трансформации его места и роли в жизни общества в связи с изменениями общественно-политической ситуации и с процессами внутри этой страты. Под научной объективностью понимается видение предмета исследования каким он существовал в реальности, вне зависимости от субъективных наслоений, содержащихся в источниках, в оценочных суждениях политиков и историков.

Использовались также такие общенаучные методы исследования, как системный подход, классификация, генетический и типологический методы анализа. В рамках системного подхода советское общество конца 20-х – начала 50-х гг. отображается в виде сложной иерархической системы, в которой спецконтингент является неотъемлемым элементом социальной структуры. Системный подход предполагает проведение структурно-функционального анализа, дающего возможность скорректировать наши представления о внутренней структуре изучаемых категорий спецконтингента, место каждой из них на внутренней иерархической лестнице, разобраться в динамике внутривидовых изменений. Структурно-функциональный анализ тесно связан с целым рядом различных методов: логических, типологических, статистических и т.д. В числе математико-статистических методов использовались формализация, сводка и группировка данных, выборочный метод, корреляционный анализ, контент-анализ и другие вспомогательные методы.

В исследовании применялись и специальные исторические методы – описательный, документально-иллюстративный, синхронный и диахронный методы, методы сравнительно-исторического и комплексного анализа, а также методы количественного анализа исторических источников.

Историческая наука имеет богатые традиции изучения зависимого населения разных эпох и цивилизаций. В частности, отечественная историография, в том числе советская, накопила ценный опыт исследования зависимого населения как Западной Европы, так и Руси. В этом смысле мы можем использовать наследие А.И.Неусыхина, С.Д.Сказкина, Б.Д.Грекова, Б.А.Рыбакова и других².

Учитывая особую роль государства как в досоветской, так и в советской истории, нашей опорой будет и этатистская методологическая концепция С.М.Соловьева³. Заметим, что концепция определяющей роли власти в российской истории присуща и дореволюционным историкам государственной школы (К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин и др.), и зарубежным исследователям (Р.Пайпс, Р.Такер и др.), и многим современным российским историкам и философам.

Кроме того, наше понимание исторических процессов, характерных для ряда стран мира в XX столетии, во многом связано с концепцией тоталитаризма, развитой такими учеными, как Х.Арендт, З.Бжезинский, К.Фридрих, Р.Арон и другими⁴. Необходимо пояснить, что автор не склонен придавать абстрактной теоретической концепции универсальный характер, тем более, применять ее для непосредственного толкования исторических фактов, но считает, что использование тоталитарной модели формирует теоретические рамки для конкретно-исторического исследования, способствует пониманию системы политической власти в СССР.

Методологическое значение для исследования имеет и концепция микроистории, представленная в трудах Ш.Фитцпатрик, С.Журавлева и др.⁵ Применение ее к изучению диссертационной проблемы означает перенос внимания с процессов глобальных, всесоюзного масштаба, на процессы региональ-

² См.: Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982; Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974 и др.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Соч.: В 18 кн. М., 1989.

⁴ См.: Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass., 1953; Арент Х. Истоки тоталитаризма. М., 1990; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993 и др.

⁵ См.: Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. С.77-100; Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; она же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электротростроительного завода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1997 и др.

ные и локальные, с тем, чтобы такая детализация в дальнейшем позволила провести синтез на более глубоком уровне.

Имея в виду все эти названные методологические ориентиры, мы ограничим наше исследование изучением советского спецконтингента в сталинскую эпоху.

Научная новизна исследования определяется в первую очередь тем, что впервые на региональном уровне проведено комплексное исследование жизни и деятельности спецконтингента в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в., изучены генезис и функционирование советской пенитенциарной системы, анализируются правовой статус, жилищно-бытовые условия, использование и стимулирование труда заключенных, спецпоселенцев, трудмобилизованных НКВД, военнопленных, интернированных и узников провально-фильтрационных лагерей.

На конкретном историческом материале определяются подходы к проблеме сравнительного анализа эффективности вольнонаемного и принудительного труда в СССР и формулируются новые гипотезы об эффективности принудительного труда в конце 20-х – начале 50-х гг.

Впервые в исторической науке спецконтингент представлен как особая социальная группа зависимого населения Советского Союза. Новизна исследования и в том, что выявляются сходства и различия социального и правового статуса, организации труда и идеологической обработки различных категорий спецконтингента.

Диссертантом проанализирована историография проблемы. С источниковедческой точки зрения новизна диссертации в том, что в научный оборот вводится значительный массив ранее не использовавшихся в исторических исследованиях архивных документов.

Впервые в отечественной исторической науке апробирована методика и проведен количественный анализ парных зависимостей признаков на основе обработки компьютерной базы данных арестованных по политическим мотивам в Пермском крае в 1929-1953 гг.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов в научной работе (подготовка обобщающих трудов по отечественной истории, истории политических репрессий в СССР, истории Урала), в учебно-методической работе (включение материалов диссертации в лекционные и специальные курсы, использование их при проведении семинарских занятий) и в просветительской деятельности (подготовка публикаций в СМИ, разработка концепций и экспозиций выставок и т.д.).

Апробация работы. Содержащиеся в диссертации концептуальные положения, общие и частные выводы апробированы в научных и учебно-методических публикациях, выступлениях на научных и научно-практических конференциях и в преподавательской деятельности. Основные результаты исследования изложены в авторской монографии объемом 25 п.л., а также в 32 других научных публикациях в центральных и региональных журналах, учебных пособиях, сборниках материалов, докладов и тезисов общим объемом более 18 п.л.

Кроме того, различные аспекты исследуемой проблемы освещались в докладах на международных конференциях «Тоталитаризм и сопротивление» (Пермь, 1993), «Тоталитаризм и личность» (Пермь, 1994), «Взаимоотношения центра и регионов России: политические, экономические, исторические и образовательные перспективы» (Ярославль, 1996), «Права человека в России: прошлое и настоящее» (Пермь, 1999), «Регионы России: взаимодействие и развитие» (Ростов-на-Дону, 1999), «Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР» (Нижний Тагил, 2000), «Урал и Сибирь в сталинской политике» (Новосибирск, 2002), а также на всероссийских и региональных конференциях «История и террор» (Пермь, 1993), «История репрессий на Урале в годы советской власти» (Екатеринбург, 1994), «Тоталитаризм после Сталина» (Чусовой, 1995), «Сопротивление тоталитаризму в России (СССР) 1917—1991 гг.» (Чусовой, сентябрь 1996), «Архивы. Вузы. Школы» (Пермь, 1997), «Взгляд на историю Прикамья на пороге XX века» (Пермь, 1997), «История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 - 1980-е годы)» (Н.Тагил, 1997 г.), «Урал в прошлом и настоящем» (Екатеринбург, 1998 г.), «Политические репрессии в истории России» (Пермь, 2000).

Материалы и выводы исследования используются в преподавании основных и специальных учебных курсов «Отечественная история (1917 - н.вр.)», «История политических репрессий в СССР», «Принудительный труд в Советском Союзе», которые автор читает на историческом факультете Пермского государственного педагогического университета, а также в лекциях для учителей истории в рамках курсов повышения квалификации и на семинарах общества «Мемориал».

Отработанные концепции, накопленные документальные и иллюстративные материалы (копии документов, схемы, фотографии, базы данных) использованы при подготовке трех частей Книги памяти жертв политических репрессий Пермской области (Годы террора. Пермь, 1998 - ч.1; 2000 - ч.2; 2003 - ч.3, т.1-2).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, приложений и списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновываются актуальность и научная значимость проблемы, хронологические и территориальные рамки исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, даются пояснения по терминологии, характеризуются методологические принципы, новизна и практическая значимость диссертации.

В первой главе «Историографические и источниковедческие проблемы исследования» характеризуются степень изученности проблемы, состояние источниковой базы и методики анализа источников.

Автор обращает внимание на то, что развитие историографической ситуации во многом определялось спецификой исследуемой проблемы. Советские историки не могли изучать проблемы, связанные со спецконтингентом, по идеологическим причинам. Исключения составляли засекреченные работы для служебного пользования. Находились, правда, инакомыслящие, не побоявшиеся раскрыть запретную тему, опираясь на доступные в то время свидетельства, как правило, устные. Ярчайший пример – «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына⁶, потрясший мировую общественность масштабными картинами страданий миллионов людей, обличением бесчеловечности советской системы. Однако автор не случайно назвал свое произведение «опытом художественного исследования». Сегодня очевидно, что как художник он во многом был прав, еще в 1973 г. верно охарактеризовав сущность явлений. В то же время недоступность ключевых документов привела к многочисленным искажениям исторической правды. Незнание фактов иногда влекло за собой неверные оценки и выводы.

Зарубежные историки не испытывали идеологического диктата и страха наказания за инакомыслие. Это обусловило опережение западной историографией советской вплоть до конца 80-х гг. в накоплении фактического материала по проблемам, связанным с историей политических репрессий в СССР, и большую фундированность доступной источниковой базы. Одной из первых значимых аналитических работ, вышедших за рубежом, можно признать книгу Д.Далина и Б.Николаевского «Принудительный труд в Советской России»⁷. Несмотря на ограниченность источников и сомнительный характер происхождения многих из них, а также ряд фактических ошибок, авторы этого пионерского труда подробно описали (насколько могли) советскую лагерную систему и, анализируя совершенно неисследованную в то время проблему, сделали ряд принципиально важных выводов. В их числе тезис о том, что принуждаемые к труду должны рассматриваться как один из главных классов социальной структуры Советской России – класс более многочисленный и экономически не менее важный, чем класс свободных рабочих в промышленности, тезис о связи индустриализации с трудом заключенных и т.д.

Появляется целый ряд исследований, затрагивающих те или иные аспекты жизни и деятельности советского спецконтингента⁸.

Во второй половине 80-х и особенно в 90-е гг. положение меняется. Устранение многочисленных идеологических и политических препятствий для научной работы, открытие архивов привели к настоящему исследовательскому буму в России. Конечно, за рубежом продолжали выходить книги, посвященные уже обозначенной теме, среди них весьма неплохие⁹. Одна из самых последних работ – «Архипелаг ГУПВИ» австрийского исследователя С.Карнера¹⁰. Несмотря на описательный характер, это пока единственная книга, в которой содержится комплексное освещение основных проблем, связанных с историей таких контингентов, как военнопленные и интернированные в СССР, – административная структура ведомства по делам военнопленных, правовой статус, бытовое обустройство, трудовое использование, идеологическая обработка, репатриация военнопленных и т.д.

Однако доступность архивных массивов и интерес к теме большого количества российских исследователей привели к появлению работ¹¹, в которых в совокупности содержались более значительный охват источников, более углубленный их анализ, постановка целого ряда важных проблем.

⁶ См.: Солженицын А.И. Малое собр. соч. Т.5-7. М., 1991.

⁷ David F. Dallin and Boris Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia*. New Haven, 1947.

⁸ См.: GULAG. The Documentary Map of Forced Labour Camps in Soviet Russia, N.Y., 1951; Jasny N., *Socialized Agriculture of the USSR*. Stanford, 1949; Jashy N. Labor and Output in Soviet Camps // *Journal of Political Economy* 1951/59. Oct. P.405-519; Schwarz S. *Russia's Soviet Economy*, 2nd ed., N.Y., 1954; Яковлев Б. Концентрационные лагеря в СССР. Мюнхен, 1955; Erlich A., *The Soviet Industrialization Debate, 1924-1928*. Cambridge, Mass., 1960; Jasny N. *Soviet Industrialization, 1928-1952*. Chicago, 1961; Nove A. *The Soviet Economy: An Introduction*, London, 1961; Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the 1930s*. London, 1968; Conquest R. *The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. Oxford, 1986; Getty J.A. *Origins of the Great Purges*. Cambridge, 1985 и др.

⁹ См.: Bacon Ed. *The GULAG at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives*. London, 1994; Harris J. *The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1929-31* // *The Russian Review* 56 (April 1997). P.265-280; Gill G. *The Origins of Stalinist Political System*. Cambridge, 1990; Jakobson M. *Origins of the GULAG: The Soviet Camp System 1917-1934*. Lexington, 1993; Solomon P. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996 и др.

¹⁰ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941-1956. М., 2002.

¹¹ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Полит. портрет И.В.Сталина: В 2 кн. М., 1989; Гордон Л., Клопов Э. Что это было? М., 1989; Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. Домодедово, 1992; Зима В.Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х-начала 50-х годов) // *Отечественная история*. 1994. № 3. С.109-125; Кнышевский П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С.53-65; Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998; Он же. Рождение ГУЛАГа: дискуссия в верхних эшелонах власти // *Исторический архив*. 1997. № 4. С.142-156; Кто руководил НКВД, 1934-1941: Справочник. М., 1999; Маргиналы в советском обществе 1920-1930-х годов:

Одной из первых работ, имевших принципиальное значение в постановке проблемы экономического значения ГУЛАГа, стала статья О.В. Хлевнюка «Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы»¹². Она была опубликована более десяти лет назад, однако, не утратила до сих пор свое методологическое значение. Поставленные Хлевнюком вопросы о месте системы принудительного труда в экономике страны, о степени ее влияния на поддержание жизнеспособности строя, об эффективности труда спецконтингента требуют дальнейшего самого тщательного анализа.

Книгу Г.М.Ивановой «ГУЛАГ в системе тоталитарного государства»¹³ следует признать одной из первых работ, где представлен серьезный анализ как места ГУЛАГа в советской политической системе, так и функционирования лагерной экономики.

Нельзя не заметить монографию А.С.Смыкалина «Колонии и тюрьмы в Советской России»¹⁴, в которой детально исследуется эволюция пенитенциарных структур с 1917 до начала 1960-х гг.

В монографии Н.А.Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)»¹⁵ приводится скрупулезный анализ как обозначенных в заглавии проблем, так и проблем организации спецпоселений. Автор делает методологически важный и обоснованный вывод о решающей роли спецпереселенцев в развитии производительных сил Севера, Урала и Сибири.

Значительный вклад в изучение истории спецконтингента внес В.Н.Земсков. В ряде своих статей, опирающихся на статистические данные рассекреченных архивных документов, он тщательно проанализировал целый ряд проблем, касающихся различных категорий спецконтингента: заключенных, спецпоселенцев, ссыльных, репатриантов, узников проверочно-фильтрационных лагерей. Ученый изучил такие аспекты, как масштабы репрессий, их организация, динамика численности и социального состава спецконтингента, учет и т.д.¹⁶ Важно, что после столь фундаментальных архивных изысканий уже находилось не столь много желающих оперировать умозрительными и неоднократно преувеличенными данными о жертвах сталинского террора.

Весомый вклад в исследование проблем этнических депортаций и спецпоселения в военные и послевоенные годы внес Н.Ф.Бугай. В своих многочисленных публикациях он дает развернутую картину насильственного переселения ряда народов, рассматривает вопросы режима, условий труда и быта в местах поселения, публикует важные документы¹⁷.

Глубокий анализ истории принудительных миграций в СССР содержится в книге П.М.Поляна «Не по своей воле...»¹⁸. В ней автор на основании богатого эмпирического материала предлагает свою

историография, источники. Новосибирск, 2001; Население России в XX веке. Т.1. М., 2000; Т.2. М., 2001; Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; Наумов В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91-112; Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Политическая история: Россия - СССР - Российская Федерация: В 2 т. М., 1996; Полян П.В. Не по своей воле... М., 2001; Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг. (Источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С.20-31; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994; Роговин В.З. 1937. М., 1996; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч.1-2. М., 1991; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник. М., 1998; Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. М., 1997; Тоталитаризм в России (СССР) 1917-1991гг.: Оппозиция и репрессии: Мат-лы науч.-практ. конф. Пермь, 1998; Трус Л. С. Введение в лагерную экономику // ЭКО. 1990. №5. С. 136-146; № 6. С. 144-155; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Он же. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. 1991. № 4-5. С.157-163; Он же. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Там же. 1989. № 4. С.175-181 и др.

¹² См.: Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73-84.

¹³ Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.

¹⁴ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.

¹⁵ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

¹⁶ Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С.118-127; Он же. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Там же. 1991. № 6. С.10-27, № 7. С.3-16; Он же. Заключенные в 30-е годы (демографический аспект) // Там же. 1996. № 7. С.3-14; Он же. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С.151-155; Он же. К вопросу о репатриации советских граждан: 1944-1951 годы // Там же. 1990. № 4. С.26-41; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991 №10. С.3-21; Он же. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Там же. 1992. № 2. С.3-26; Он же. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954-1960 гг.) // Там же. 1991. № 1. С.5-26; Он же. О подлинности статистической отчетности ГУЛАГа // Там же. 1992. № 6. С.155-156; Он же. Об учёте спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Там же. 1991. № 2. С.79-81; Он же. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С.4-20; Он же. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944 - 1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С.3-12, № 6. С.3-13; Он же. Спецпоселенцы (по данным НКВД – МВД СССР) // Там же. 1990. № 11. С.3-37; Он же. Спецпоселенцы (1930-1959 гг.) // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 145-194; Он же. Судьбы кулацкой ссылки (1930-1945) // Отечественная история. 1994. № 1. С.118-147.

¹⁷ См.: Бугай Н.Ф. Л.Берия - И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Он же. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). М., 1998; Он же. Депортация народов (конец 30-х — начало 40-х годов) // Россия в XX веке. М., 1994. С.475-485; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М., 1998 и др.

¹⁸ Полян П.В. Не по своей воле... М., 2001.

типологию принудительных миграций, тщательно реконструирует их нормативную базу, хронологию и географию.

Следует отметить, что характерной чертой ряда исследований последнего десятилетия прошлого века является смешение новых и старых подходов, новейший фактический материал зачастую соседствует с методологическими выкладками, свойственными советской историографии. Таким примером могут служить докторская диссертация и монография В.Я.Шашкова «Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954)»¹⁹. Это первое монографическое исследование крестьянской ссылки в СССР. Автор ввел в научный оборот значительное количество недоступного ранее историкам фактического материала, сумел обобщить его и систематизировать. Однако в целом можно согласиться с оценкой этой работы С.А.Красильниковым: «С концептуальной точки зрения монография относится к разряду работ достаточно распространенного сегодня типа, в которых старые догмы эклектически соединились с подходами и оценками новейшего времени. Определение "раскулачивания" как антигуманной и реакционной акции сталинского режима в отношении крестьянства в ней мирно уживается с несколько переиначенным печально известным тезисом о "трудовых успехах спецпереселенцев в освоении Севера"»²⁰. Действительно, В.Я.Шашков всерьез и без оговорок пишет о «трудовом, идейно-нравственном и социально-культурном перевоспитании "бывших кулаков"»²¹. В авторском тексте иногда сквозит фальшь переписанных из соответствующих источников парадно-рапортовых пассажей: «Спецпереселенцы активно вовлекались в различные формы соцсоревнования, проявляя образцы высокой организованности и производительности труда»²².

Умолчание, до сих пор используемое некоторыми отечественными историками, приводит к похожим результатам. Подобным примером может служить кандидатская диссертация М.М.Туркатова «Советские спецслужбы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»²³. В ней много внимания уделяется структурам и структурным перестройкам в НКВД. Характерно, что волна репрессий 1937–1939 гг. подается как кадровая чистка НКВД, что камуфлирует общую репрессивную направленность кампании. Много говорится о деятельности военной разведки, о деятельности спецслужб по обеспечению режима военного положения и поддержанию правопорядка в тылу, о борьбе с немецкими спецслужбами. Однако не освещаются карательная деятельность спецслужб, их борьба с собственным народом; почти ничего не сообщается о хозяйственной деятельности НКВД, связанной с использованием спецконтингента: буквально три страницы отводится для самых общих сведений о структуре ОИТК и количестве заключенных. Таким образом, внимание переключается на функции, имманентно присущие спецслужбам (разведка, контрразведка и т.п.), сравнительный анализ этих функций и функций карательных, хозяйственных отсутствует. Между тем, такой анализ возможен и чрезвычайно показателен, что доказал А.И.Вольхин в докторской диссертации «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»²⁴. В ней убедительно обоснован тезис, что «функция тайной политической полиции приобрела в годы войны гипертрофированный характер», репрессивные меры не соответствовали реальной оперативной обстановке, огромный объем работы по выявлению «врагов народа», поддержание малороботоспособной агентурно-осведомительской сети чрезвычайно снижали эффективность контрразведывательной деятельности.

Весомый вклад в изучение проблемы внесли исследования на региональном уровне²⁵. Немало работ было посвящено анализу различных аспектов советской репрессивной политики на примере уральского региона²⁶. В трудах екатеринбургского историка А.В.Бакунина раскрываются методологические

¹⁹ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. Через год автор издал монографию с тем же названием: Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954). Мурманск, 1996.

²⁰ Красильников С.А. Спецпереселенцы 1930-х гг. в новейшей отечественной историографии // Материалы к истории советского общества 1920-1930-х годов: историография, источники. Новосибирск, 2001. С.73.

²¹ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С.13.

²² Там же. С. 273.

²³ См.: Туркатов М.М. Советские спецслужбы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

²⁴ См.: Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001.

²⁵ См.: Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996; Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929-1956. Сыктывкар, 1997; Морозов Н.А., Рогачев М.В. ГУЛАГ в Коми АССР (20-е–50-е годы) // Отечественная история. 1995. №2. С.182-187; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928 - 1941. Новосибирск, 1997; Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-1941 годах // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С.26-44; Посат В. Депортации из Молдавии (30-50 гг. XX в.) // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 52-61; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х - начале 50-х годов). Томск, 1995; Шабаетов Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994 и др.

²⁶ Вашкау Н.Э. Российские немцы в трудармии в годы Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа. Екатеринбург, 1995. С. 143-146; Вольхин А.И. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики Советского государства в 1930-40-х гг. (на материалах Урала и Сибири) // Урал в прошлом и настоящем. Ч.1. Екатеринбург, 1998. С.401-404; Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг) // Годы террора, Пермь, 1998; История репрессий на Урале в годы советской власти: Тез.науч.конф. Екатеринбург, 1994; История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Сб.статей участников научной конференции. Нижний Тагил, 1997; Кириллов В.М. Историография истории репрессий в СССР и на Урале (1918-1990 гг.) // Власть и общество. Н.Тагил, 1996. С.52-70; Он же. История репрессий в Нижнетагиль-

проблемы советского тоталитаризма, сталинской модернизации Урала, использования принудительного труда²⁷. Важной вехой в изучении сталинского террора стала публикация двухтомной монографии В.М.Кириллова «История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х годов»²⁸. Это единственное на сегодняшний день комплексное исследование истории политических репрессий в сталинскую эпоху на примере конкретного региона. В нем, в частности, серьезное внимание уделяется изучению таких категорий спецконтингента, как заключенные и спецпереселенцы. Значительным продвижением в изучении спецпоселения на Урале стала публикация учебного пособия Т.И.Славко «Кулацкая ссылка на Урале.1930-1936»²⁹, в котором анализировались вопросы обустройства «кулацкой» ссылки, динамики численности и социального состава спецпереселенцев на Урале, использования их труда. Ряд аспектов той же проблемы рассмотрен в серии публикаций курганского историка И.Е.Плотникова³⁰ и в статье пермского историка М.А.Ивановой³¹. Богатый фактический материал по истории коллективизации и спецпоселения на Урале собран в историко-публицистической работе А.А.Базарова «Дурелом, или Господа колхозники»³². Кроме того, появились работы, в которых предпринимаются попытки сравнительного анализа положения различных категорий спецконтингента. Одной из первых таких работ стала кандидатская диссертация Г.Я.Маламуда «Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940 – начале 50-х гг.»³³

В целом, историографический анализ показал, что при всем многообразии научной литературы по истории политических репрессий в СССР и по различным категориям спецконтингента до сих пор отсутствует комплексное исследование, посвященное спецконтингенту в конце 20-х – начале 50-х гг. как на региональном, так и на всероссийском или всесоюзном уровне. Как правило, рассматривались или отдельные аспекты жизни и деятельности спецконтингента, или его какая-либо группа, или хронологические рамки исследования ограничивались частью периода сталинского правления. Между тем, изучение проблемы как на микроуровне, так и в комплексе с масштабными социально-политическими явлениями, позволяет увидеть такие закономерности функционирования системы, которые трудно заметны при ином подходе.

Исследование опирается на широкий круг опубликованных и неопубликованных документов, материалы периодической печати и воспоминания очевидцев. По происхождению источники можно разделить на две принципиально различающихся группы: созданные представителями власти и теми, кто относился к спецконтингенту. В отличие от второй группы, сравнительно небольшой и представленной в основном воспоминаниями очевидцев (опубликованными и неопубликованными), первая группа источников намного больше по объему и разнопланова по характеру и структуре. При решении исследовательских задач мы преимущественно опираемся на те или иные типы источников этой группы, хотя, конечно, имеем в виду весь комплекс, имеющихся в нашем распоряжении материалов.

С одной стороны эту группу источников можно подразделить на официальные материалы и материалы органов власти и управления, предназначенные для внутреннего использования. Осознание этого факта полезно при оценке достоверности содержащейся в источнике информации.

С другой стороны, мы можем структурировать рассматриваемую группу источников по функциональному признаку. В этом случае выделяются такие типы источников как *законодательно-нормативные и распорядительные акты* (Конституции, кодексы, законы, постановления, распоряжения,

ском регионе Урала 1920-е — начало 50-х годов. Ч.1-2. Нижний Тагил, 1996; Книга памяти: Посвящается тагильчанам - жертвам репрессий 1917 - 1980-х гг. Екатеринбург, 1994; Латыпов Р.Т. Депортация народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 142-144; Маламуд Г.Я., Кириллов В.М. "Мобилизованные немцы" на строительстве предприятий черной металлургии Урала// 50 лет победы в Великой Отечественной войне: Мат-лы конференции. Екатеринбург, 1995. С.46-48; Мамяченков В.Н., Мотревич В.П. Материально-бытовое положение спецпереселенцев и военнопленных на Урале в 1940-е гг. // Урал в прошлом и настоящем. Ч.1. Екатеринбург, 1998. С.460-463; Мотревич В.П. Немецкая трудармия на Урале// Наука Урала. 1991. № 33; Он же. Погибли на Урале // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском севере России. Сыктывкар, 1996; Он же. Спецпоселенцы 40-х (хроника "великого" переселения) // Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане. Целиноград, 1991; Постников С. Спецпереселенцы на Урале // Депутатский вестник. 1991. № 3. С.10; Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930-1936. М., 1995; Тоталитаризм и личность: Тез. докл. междунар. науч. - практ. конф. Пермь, 1994; Тоталитаризм и сопротивление: Тез. докл. междунар. науч. - практ. конф. Пермь, 12 - 14 июля 1993 г. Пермь, 1994; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954); Шамакова Н.П.К вопросу о спецпереселенцах на Урале в 30-е годы // Вестн. Челяб. ун-та. Сер.1. История. 1994. № 1. С.110-112 и др.

²⁷ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 1-2. Екатеринбург, 1996-1997; Он же. Сталинская модернизация Урала // Урал в прошлом и настоящем. Мат-лы. науч. конф. Ч.1. Екатеринбург: 1998. С.367-392; История СССР. 1989. № 6. С.135-144.

²⁸ Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала (1920-е — начало 50-х годов). Ч.1-2. Нижний Тагил, 1996.

²⁹ Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930-1936. М., 1995.

³⁰ Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159-167; Он же. О темпах и формах коллективизации на Урале // Там же. 1994. № 3. С. 77-91; Он же. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы // Там же. 1995. № 1. С. 160-179; Он же. Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (материалы по истории Курганской области). Курган, 1995.

³¹ Иванова М.А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора. Пермь, 1998.

³² Базаров А.А. Дурелом, или Господа колхозники. Кн.1-2. Курган, 1998.

³³ Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х - начале 50-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

циркуляры, приказы и т.п. ВЦИК и СНК РСФСР, ЦИК и СНК СССР, региональных и местных советов и их органов, наркоматов и министерств с их подразделениями, хозяйственных ведомств и предприятий, съездов и конференций ВКП(б), пленумов ЦК и местных комитетов партии, исполнительных партийных органов и т.д.), *протоколно-резолютивные* документы (протоколы и стенограммы высших и местных советских и партийных органов и их комиссий, коллегий и т.д.), *отчетные и докладные* материалы (отчеты и доклады нижестоящих инстанций вышестоящим, отчеты комиссий, акты проверок, материалы inspectирующих органов и т.п.), *справки* (справочные материалы, подготовленные на основании запросов официальных инстанций или инициативно, выданные гражданам справки органов власти и управления), *подготовительные* материалы (проекты решений, запросы, поясняющие и сопроводительные документы и т.п.), *информационные* материалы (сводки и обзоры, подготовленные вышестоящими инстанциями для информирования нижестоящих, а также информационные сведения с мест о текущих событиях в соответствии с утвержденным планом), *переписка* (межведомственная и внутриведомственная, запросы граждан и ответы на них), *массовые персонально ориентированные источники* (учетные карточки и личные дела репрессированных).

В числе самых значимых для изучения проблемы архивных фондов следует назвать фонд 17 (ЦК ВКП(б)) Российского государственного архива социально-политической истории, фонды 1235 (ВЦИК РСФСР), 9401 (НКВД-МВД СССР), 9414 (ГУМЗ-ГУЛАГ НКВД-МВД СССР), 9479 (4-й спецотдел НКВД-МВД СССР), 5446 (СНК СССР) Государственного архива Российской Федерации, фонд 1/п (ГУПВИ) Российского государственного военного архива, фонды р-88 (Уральский областной исполнительный комитет) Государственного архива Свердловской области, фонда р-438 (Прокуратура Понышского ИТЛ) и р-1366 (Молотовская областная прокуратура) Государственного архива Пермской области, фонд 4 (Областной комитет ВКП(б)) Центра документации общественных организаций Свердловской области, фонды 105 (Областной комитет ВКП(б)), 641/1 (Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома) и 643/2 (архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89 и Закону РСФСР от 18.10.91) Государственного общественно-политического архива Пермской области, фонды 21 (Отдел спецпоселений УМВД по Молотовской области), 39 (ОИТК-УИТЛК), 40 (УИТЛК) архива информационного центра УВД Пермской области, фонд 12 (Отдел спецпоселений УМВД по Свердловской области) архива информационного центра УВД Свердловской области.

Следует отметить, что на сегодняшний день ряд важных документов перечисленных архивов опубликован и, тем самым, приближен к исследователям³⁴.

При написании работы изучалась и одна весьма специфичная группа источников. Речь идет о массовых персонально ориентированных источниках. К ним относятся в первую очередь карточки и личные дела репрессированных, а также различного рода книги учета, поэшелонные списки и т.п. Их исследование базировалось на детально разработанных и описанных методиках количественного анализа³⁵.

При написании диссертации был проведен количественный анализ двух видов персонально ориентированных источников: учетных карточек трудармейцев Усоллага, хранящихся в учреждении АМ-244, и архивно-следственных дел, арестованных по политическим мотивам органами ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, переданных в Государственный общественно-политический архив Пермской области.

В диссертации используется традиционный подход к выявлению достоверности, представленных в источниках сведений. Сведения одного источника проверяются данными источника иного рода, т.е. имеющем иное ведомственное или личное происхождение. Кроме того, учитывались разнообразные подходы к верификации источника (оценка профессионализма автора источника, наличие или отсутствие интереса к искажению действительности и т.п.), блестяще описанные М.Блоком в книге «Апология истории или ремесло историка»³⁶. Последнее чрезвычайно результативно в исследовании документации карательных и хозяйственных ведомств. Бумаги, вышедшие из-под пера не лучшим образом образованных чиновников и не прошедшие цензурную обработку, поскольку предназначались для внутреннего употребления, часто содержат такие детали, которые позволяют вскрыть сущность системы. Не только М.Блок, но и ряд отечественных историков признает индикатором достоверности сведений их противоречие официальной тенденции толкования³⁷. И, наоборот, все соответствующее официальной версии событий, должно подвергаться самой тщательной проверке.

³⁴ Среди сборников опубликованных документов следует в первую очередь назвать следующие: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. М., 2000; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998; Экономика Гулага и ее роль в развитии страны, 30-е годы. М., 1998.

³⁵ См.: Бородин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л.Н. Математические методы в историческом исследовании. Екатеринбург, 1998; Славко Т.И. Математические методы в исторических исследованиях. Екатеринбург, 1995; Статистика, М., 1997 и др.

³⁶ См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

³⁷ См.: Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973. С.95; Покровский Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 96, 104.

Поэтому сделано все возможное, чтобы основой данного исследования стали максимально достоверные источники, чтобы перепроверить и соотнести между собой различные группы ведомственных источников, чтобы задействовать и сравнить источники разного происхождения, чтобы выверить документальную базу общесоюзного характера региональной источниковой составляющей.

В целом, доступную исследователям источниковую базу можно охарактеризовать как достаточно широкую и разнообразную, использование описанных в первой главе методов анализа источников позволяет решить поставленные в исследовании задачи.

Вторая глава – «Спецконтингент и принудительный труд в пенитенциарных концепциях сталинской эпохи» – посвящена изучению эволюции пенитенциарных концепций и структур сталинской эпохи.

Развитие пенитенциарных концепций сталинской эпохи во многом определялось решением двух разноплановых задач: поиском достаточно дешевой и мобильной рабочей силы для форсированного развития экономики и ликвидацией реальной и потенциальной оппозиции режиму. Решая обе задачи одновременно, Сталин и его окружение пытались сделать это комплексно. Изоляция «врагов народа» и внушавших опасения социальных и национальных групп сочеталась с использованием их труда на «строиках социализма». Но соединить их удавалось далеко не всегда. Иногда экономические мероприятия существенно отставали от политических, как это было во время первых волн «раскулачивания». Как правило, политическая воля подменяла собой экономический расчет. Например, приказы о размещении вновь прибывающих масс заключенных и спецпоселенцев часто не учитывали реальную готовность лагерей, поселков и предприятий к их приему. Случалось, что политические решения принимались вопреки экономической целесообразности, например, приговоры к смертной казни во времена «большого террора». Бывало и наоборот, экономические факторы начинали играть большую роль, чем политические, что показала, к примеру, практика применения зачетов в начале 30-х гг.

В зависимости от конкретного поворота политики или от изменения обстановки режим был вынужден дополнять политические решения экономическими или применять политические методы для решения насущных экономических задач. Например, массовая депортация «раскулаченных» повлекла за собой проработку проблем приложения их труда, а для ликвидации дефицита рабочей силы в военное время режим прибегает к таким политическим акциям, как трудовая мобилизация по национальному признаку и т.д.

Развитие концепций использования принудительного труда в государственных интересах органично включало определение государством места и роли спецконтингента как особой группы зависимого населения СССР. Начало процесса формирования спецконтингента связано с приданием использованию труда традиционного зависимой социальной группы – заключенным особой роли, организации, масштаба. Почти одновременно в состав спецконтингента вливается новая группа зависимого населения – «раскулаченные» спецпереселенцы. Процесс формирования этой группы происходил достаточно сложно и спонтанно. Если обратить внимание на социальные функции, определяющие место группы спецпоселенцев в стратификационной системе советского общества, то очевидно, что первоначально отнюдь не производственная функция являлась ведущей. Для государства важнее были другие функции – репрессивная (отчуждение собственности, подавление сопротивления, изоляция) и предостерегающая (запугивание остального населения). Однако довольно скоро производственной функции государство стало уделять достаточно много внимания, что подчеркивается передачей управления спецпоселенцами карательному ведомству (ОГПУ-НКВД), уже накопившему определенный опыт производственного использования другой группы спецконтингента – заключенных. Впоследствии формируя новые группы спецконтингента (трудармейцы, военнопленные, узники ПФЛ, новые категории спецпоселенцев), государство изначально ставило их в зависимость от органов НКВД-МВД, следивших за всеми сторонами жизни партий общества, и выделяло производственную функцию как важнейшую. Источники формирования новых групп спецконтингента, формы их зависимости могли различаться, однако внеэкономическое принуждение к труду можно рассматривать как общую для всех и важнейшую социальную функцию.

Формирование такого особого слоя советского зависимого населения как спецконтингент, в рамках избранной модели социально-экономического и политического развития, становится общегосударственным интересом. Различные слои бюрократии, не только высшие, оказались объективно заинтересованы в воспроизводстве спецконтингента во многом потому, что это упрощало решение управленческих задач.

Особо следует отметить, что за постановлениями и приказами властвующей элиты скрывается цинизм системы, для которой людские судьбы были лишь фишками в политических упражнениях. Даже меры по улучшению содержания спецконтингента обуславливались не гуманными соображениями, а необходимостью сохранения рабочей силы, о чем откровенно заявляли партийные и советские боссы, политработники и начальники лагерей. Но не антигуманность советской пенитенциарной политики привела к ее реформированию. Соображения экономической и политической целесообразности подтолкнули власть предержащих включить в сферу реформирования и сектор принудительного труда.

Коренное изменение пенитенциарных концепций, обусловленное сменой политического курса, приводит к тому, что через несколько месяцев после кончины Сталина большая часть заключенных и спецпоселенцев обрела свободу. Система спецпоселений ликвидируется в середине 50-х гг., большая

часть лагерей в течение короткого времени также ликвидируется, оставшиеся лагеря и колонии утрачивают свое бывшее экономическое значение.

В третьей главе – «Заключенные» – анализируются дислокация и размещение, правовой статус, жилищно-бытовые условия, использование и стимулирование труда, политические настроения и идеологическая обработка заключенных в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.; поднимается проблема эффективности принудительного труда.

Заключенных можно охарактеризовать как одну из самых многочисленных и стабильных групп советского спецконтингента. Около 18 млн. чел. прошли через исправительно-трудовые лагеря и колонии за 1930–1953 гг. Можно сказать, что в правовом отношении эта категория была почти не защищена. Законы и подзаконные акты достаточно прямо и без обиняков очерчивали приниженный правовой статус заключенных. Очевидно, что ограничения личной свободы, характерные для статуса заключенных, обуславливают максимальную степень зависимости этой социальной группы.

Изменения условий труда и быта заключенных (как в худшую, так и в лучшую сторону), имевшие место в конце 20–начале 50-х гг., демонстрируют зависимость их как от «внешних» условий (приток больших масс заключенных, война и т.п.), так и от политики власти в отношении лагерного контингента. Попытки власти сэкономить на содержании заключенных в годы «великой чистки» и после начала Отечественной войны показали, что эффект от подобной политики может быть только кратковременным, ведущим к срыву производственных программ, не говоря уже о массовой гибели людей, что не было предметом особых волнений вождей. Экономические интересы заставляют власть установить сносный уровень содержания заключенных, снизить смертность в лагерях, пресечь произвол местных начальников, приводивший к потерям рабочей силы.

Зависимое положение заключенных сделало их удобным объектом для постановки экспериментов по использованию их труда для развития народного хозяйства. Анализ форм и методов привлечения заключенных к реализации производственных программ показывает, что поиск оптимальных пенитенциарных концепций шел мучительно, во многом путем проб и ошибок. Некоторые концепции отмирают уже через несколько месяцев после их появления. Например, идея использования заключенных с целью хозяйственной колонизации малоосвоенных районов вскоре изменяется до неузнаваемости. Задачи хозяйственной колонизации в основном решаются с помощью использования спецпереселенческой рабочей силы. Однако приемлемая модель использования труда заключенных была найдена довольно быстро. Опыт строительства Вишерского ЦБК, выверенный практикой сооружения Беломорканала, позволяет вывести главный принцип функционирования экономики ГУЛАГа: слияние производственного и лагерного комплексов в единую систему. Принцип этот оставался неизменным до 1953 г.

Политическое руководство страны, избравшее экономическую стратегию «большого скачка», экономическую эффективность часто отождествляло с мобилизационными возможностями использования труда заключенных. Более того, последний фактор для него оказывался более значимым. Кроме того, практика показала, что заключенные работали не так уж плохо, по сравнению с вольнонаемными, труд которых, по большому счету, тоже можно охарактеризовать как разновидность принудительного труда. По отчетам НКВД-МВД получалось, что государство получает прибыль, используя труд заключенных. Предпринятый в исследовании сравнительный анализ эффективности труда заключенных и вольнонаемных работников ряда предприятий некоторых отраслей народного хозяйства позволяет выдвинуть гипотезу, что экономическая эффективность труда тех и других приблизительно равна. Во всяком случае, разница сравнимых показателей эффективности труда заключенных и вольнонаемных невелика, имевшиеся колебания как в ту, так и в другую сторону вполне можно объяснить изменениями условий производства на местах. Для получения окончательных выводов требуется специальное изучение этого вопроса в масштабах всей экономики страны как на уровне массы конкретных предприятий, так и на уровне всех отраслей народного хозяйства.

Для достижения лучших результатов эксплуатации труда заключенных политическое руководство страны пыталось использовать различные методы стимулирования. Можно даже говорить о формировании целого комплекса стимулов в послевоенное время. Главным стимулом на протяжении 30–40-х гг. оставалось нормирование питания в зависимости от выработки. Выплата заработной платы и иных форм денежного вознаграждения (премии и т.п.), несмотря на все ограничения (выдача денег на руки и т.п.), оказалась настолько привлекательным стимулом для заключенных, что власть сочла целесообразным вернуться к этой форме поощрения в конце 40-х гг. Чрезвычайно эффективной формой стимулирования оказались зачеты. Однако явное противоречие правовых норм и экономической целесообразности при досрочном освобождении за хорошую работу, а также многочисленные злоупотребления при начислении зачетов привели к отмене системы зачетов в конце 30-х гг. Возрождение практики зачетов произошло в конце 40-х гг. в ограниченных масштабах – они применялись теперь только на главных стройках страны и подлежали строгой регламентации. Опыт показал, что сочетание ряда стимулов дает наилучший эффект, в начале 50-х гг. комплексное использование стимулов было уже достаточно отработано.

Характерно, что политическое руководство, мобилизовав свой аппарат на поиск стимулов повышения производительности труда для заключенных, почти не обращало внимание на слабое стимулирование организаторской активности тех, кто управлял производственным процессом. Между тем их

роль в повышении экономической эффективности производства, несомненно велика. Такое невнимание свидетельствует о порочности советской политической и экономической системы в целом. Политическое руководство не могло выйти «за флажки» социалистических идеологем. Для серьезного повышения заинтересованности менеджеров, по всей видимости, потребовалось бы использовать те механизмы, которые работали в капиталистических странах, о чем руководство страны и думать не хотело, больше уповая на испытанные командно-административные методы.

В конечном счете, несмотря на, казалось бы, отработанные механизмы использования труда заключенных, смерть Сталина влечет за собой как сокращение лагерного контингента, так и отказ от «экономического» подхода к его использованию. Речь идет не об отказе от труда заключенных вообще – их труд продолжал применяться для минимизации затрат и решения других задач. Власть отказывается от попыток извлечь из труда лишенных свободы экономическую выгоду, сделать его системным фактором экономического роста. По всей видимости, определяющую роль в этом сыграло не субъективное желание новых лидеров партии и государства откеститься от сталинщины, а объективные трудности использования «мобилизационных» приемов на новом этапе развития, связанном с практическим завершением индустриализации и восстановлением разрушенного во время войны хозяйства. Однако исследование причин смены курса также требует специального анализа.

В четвертой главе – «Спецпоселенцы» – исследуется расселение спецпоселенцев на Западном Урале, их правовое положение, социально-бытовое обустройство, организация труда, «идеологическое обслуживание» и т.д.

Спецпоселенцы стали одним из самых многочисленных отрядов советского спецконтингента. До начала войны депортациям подверглось более 3,5 млн. чел. В 1941–1948 гг. на спецпоселение попало еще около 3,5 млн. чел.

Приступая к организации спецпереселения, политическое руководство страны пыталось одновременно решить несколько задач, способствующих формированию цельной социально-политической системы: покончить с экономической самостоятельностью наиболее многочисленного социального слоя – крестьянства и ликвидировать его, огосударствить сельское хозяйство, уничтожить потенциальную оппозицию в лице зажиточных крестьян и всех недовольных советской властью на селе, мобилизовать необходимую рабочую силу на стройки первых пятилеток, освоить хозяйственно значимые территории (разработка лесных массивов, добыча полезных ископаемых и т.д.). Трагедия крестьянства, трагедия всего народа усугублялась тем, что репрессивные задачи кампании вступали в прямое противоречие с хозяйственными. Ликвидация единоличного крестьянского хозяйства, раскрестьянивание вели к резкому падению сельскохозяйственного производства, к обнищанию населения и массовой гибели людей. Выбор отдаленных районов колонизации с целью предотвращения побегов обострял проблему доставки туда людей, скота, товаров, инвентаря и т.д. Экономический эффект от такой колонизации не был значительным вследствие массовой смертности, болезней, побегов, бессистемного управления производством и ресурсами. С лета 1931 г. управление крестьянской ссылкой начинает налаживаться, увеличивается отдача от труда депортированных, хотя глубинные пороки системы не были изжиты. Режим реализовывал свои планы за счет людей.

О бесчеловечном отношении к людям свидетельствует высокая смертность в местах спецссылки. В большей степени пострадали сосланные крестьяне. Сотнями и тысячами умирали они, лишенные элементарного: крова, одежды, пищи. Только в Коми-Пермяцком национальном округе из 26 964 высланных туда в 1930–1931 гг. к началу 1935 г. умерли 7249, или 27%. Всего, по минимальным оценкам В.Я.Шашкова, в 1930–1940 гг. погибло не менее 750 000 спецпереселенцев (без учета смертности бежавших)³⁸.

Спецпоселения, так же, как и лагерь, оставались неотъемлемой составляющей советской социально-экономической системы до смерти ее «главного конструктора». Контингент спецпоселений рассматривался властью как кадровый резерв промышленности, прежде всего, на плохо освоенных территориях и в районах, где имелся дефицит рабочей силы.

В отличие от таких отрядов спецконтингента, как заключенные, трудармейцы, военнопленные и т.п., спецпоселенцев нельзя было столь оперативно перебрасывать с предприятия на предприятие, из одного региона в другой. Мобилизационный ресурс этой категории принуждаемых к труду чаще всего ограничивался однократным перемещением с долгосрочным прикреплением к предприятиям, испытывающим нужду в рабочей силе.

Спецпоселенцы не были столь однородной в правовом и социальном отношении группой, как, например, заключенные. Законы и подзаконные акты, предусматривавшие существование около двух десятков категорий спецпоселенцев, регламентировали их в чем-то одинаковый, в чем-то различный правовой статус. Эти различия были тесно связаны с социальными, национальными и иными признаками, по которым формировались спецпоселенческие категории. Кроме того, снабжение, условия труда и быта спецпоселенцев в значительной степени зависели от предприятий, где они были обязаны трудиться. Разумеется, многое определялось и конкретным историческим временем. Жизнь спецпоселенцев нигде и

³⁸ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954): дис. на соискание ученой степени д.и.н., с.340, 348.

никогда не была сладкой, но в отдельные периоды в ряде мест они были обречены на нищенское и голодное существование.

Несмотря на имевшие место различия, мы можем выделить общие для всех спецпоселенцев черты несвободы, отличавшие их от полусвободного советского населения. К проявлениям ограничений свободы можно отнести лишение избирательных прав (вплоть до второй половины 30-х гг.), ограничения свободы собраний, передвижения, неприкосновенности частной жизни, принуждение к труду. В 1930-1931 гг. спецпоселенцы были дискриминированы и в социально-экономических правах. Наследование статуса, действовавшее в течение длительного времени и установленное для подавляющего большинства категорий спецпоселенцев, также следует считать признаком несвободы.

Кроме того, правовой статус спецпоселенца, помимо явных ущемлений их прав, включал и неявные: ограничение свободы передвижения, прямо предусмотренное в нормативных актах, часто дополнялось связанными с этим ограничениями в получении образования, медицинской помощи и т.п. Все это могло дополняться произволом работников спецкомендатур, руководства предприятий и т.д. В реальной жизни статус спецпоселенца означал невозможность воспользоваться пассивным избирательным правом и после отмены формальных ограничений: никому не пришло бы в голову рассматривать спецпоселенца в роли кандидата в депутаты какого-либо Совета народных депутатов.

Отношение спецпоселенцев к труду в большинстве случаев мало отличалось от отношения к своим обязанностям других работников. Да и стимулы были в основном одинаковые – пайки и зарплата. Производственные неудачи чаще всего обуславливались общим для всего народного хозяйства пороком – слабой заинтересованности управленцев в конечном результате. Это, кстати, влияло и на отношение местных начальников к проблемам снабжения спецпоселенцев.

Историкам еще предстоит выяснить, насколько глубоко анализировалась экономическая целесообразность существования спецпоселений после смерти Сталина. Однако, если принять во внимание только политическую составляющую, в ходе либерализации режима неизбежно должен был встать вопрос о судьбах сосланных навечно. Это и обусловило, по-видимому, поэтапную ликвидацию системы спецпоселений в 1954-1957 гг.

В пятой главе – «Новые категории спецконтингента в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период» – рассматриваются проблемы обеспечения предприятий истроек Пермского региона рабочей силой за счет проходящих фильтрацию, трудмобилизованных, военнопленных и интернированных, их права и обязанности, снабжение и быт, привлечение к труду и стимулирование трудовой активности.

В годы Великой Отечественной войны в состав спецконтингента влились новые достаточно многочисленные категории: около 400 тыс. трудармейцев, более 2 млн. узников ПФЛ, около 4,4 млн. военнопленных и около 270 тыс. интернированных. Они внесли существенный вклад в развитие экономики СССР. В большей степени это касается военнопленных, 1,8 млн. которых привлекались на работы на предприятия различных отраслей народного хозяйства. По сведениям министра внутренних дел С.Н.Круглова, за период с 1943 по 1 января 1950 г. военнопленные выполнили работ на сумму около 50 млрд. руб., заработав за это время 16,7 млрд. руб., которые покрыли большую часть расходов на их содержание³⁹.

Если обратить внимание на признаки свободы и несвободы новых категорий спецконтингента, можно заметить, что формально они не считались репрессированными, однако во всех случаях временно ограничивалась личная свобода. В большинстве случаев это ограничение связано с лагерными условиями размещения и охраной. Во всех случаях имело место принуждение к труду (за исключением пленных офицеров). На некоторые категории распространяются дополнительные ограничения; для проходящих фильтрацию, например, ограничивалась свобода корреспонденции. Формально-свободный статус трудмобилизованного на практике означал большую степень зависимости в отличие от спецпоселенцев, правовая дискриминация которых обуславливалась официально примененными репрессиями. Практически ко всем ограничениям свободы, распространяющимся на спецпоселенцев, добавлялись дополнительные ограничения права на семейную жизнь, режимные условия труда и проживания в специальных зонах предприятий или лагерей.

Необходимо отметить, что если экономические причины появления новых категорий спецконтингента были общими, то политические существенно различались. Это и обусловило значительные различия их правового статуса, условий труда и быта. В одних случаях репрессивная составляющая была весьма отчетливой, в других – едва заметной.

В частности, нетрудно заметить, что трудовая мобилизация советских немцев и других граждан «враждебных» национальностей в годы Великой Отечественной войны являлась не чем иным, как особой формой репрессий, проводившейся по национальному признаку. С ее помощью политическое руководство страны одновременно решало две задачи: обеспечение промышленности дополнительными контингентами рабочих и создание особого режима изоляции для потенциальной «пятой колонны». Военно-мобилизованные формирования трудармии сочетали элементы военной службы, производственной деятельности и гулаговского режима содержания.

³⁹ Военнопленные в СССР. 1939-1956... М., С.916.

Милитаризованный характер управления подразделениями трудармии позволял оперативно решать задачи распределения рабочей силы, обеспечения работниками наиболее важных объектов. Минимальные расходы на содержание трудармейцев на уровне гуглаговских стандартов, казалось бы, позволяли сэкономить средства, сделать использование труда трудармейцев эффективным. Однако все это оборачивалось утратой заинтересованности работников в результатах труда. Не случайно вскоре после окончания войны трудмобилизованные вновь становятся, по существу, теми же спецпоселенцами, какими они были до мобилизации. Менялись только место жительства и предприятие, к которому они прикреплялись.

Фильтрация также стала одним из инструментов, с помощью которых карательная политика государства увязывалась с хозяйственными задачами. Еще один контингент работников удалось использовать там, где возникала потребность в дешевой рабочей силе. Фильтрация, прежде всего, была обусловлена политическими причинами: власть стремилась обезопасить себя от реальных и потенциальных врагов. Но режим не мог допустить «простоя» столь большой массы потенциальных работников, какими были узники ПФЛ. Кроме всего прочего, взятые под стражу бывшие советские военнопленные и репатриированные являлись хорошим объектом для хозяйственного манипулирования. Проверочно-фильтрационные лагеря создавались, прежде всего, в районах, испытывающих потребность в рабочей силе, за исключением прифронтовых ПФЛ, где шла предварительная фильтрация. Важно, что после создания проверочно-фильтрационных лагерей НКВД явно злоупотреблял возможностью привлечения к труду их контингента, увеличивая сроки пребывания, мотивируя это хозяйственной необходимостью.

Условия труда и быта проходящих фильтрацию во многом напоминали порядки ИТЛ. Однако питание по армейским нормам, материальное стимулирование, близкое к поощрениям вольнонаемных, и особенно временный характер пребывания в ПФЛ отличали их узников от остальных групп спецконтингента.

Установки политического руководства не позволяли затягивать проверку на длительное время, тем более на неопределенный срок. Поэтому фильтрация продолжалась не так долго. После ее окончания узники ПФЛ приобретают иной социальный и правовой статус. Однако, что характерно, все они распределяются государственными органами по рабочим местам в соответствии с потребностями государства. Часть из них прикрепляется к промышленным предприятиям в качестве «вольнонаемных» работников, часть – на правах спецпоселенцев (большая часть – «власовцы»), некоторые возвращаются на службу в Советскую армию, некоторые попадают в ИТЛ, где также привлекаются к труду.

Содержание взятых в плен – необходимость для воюющих государств. Советские вожди постарались извлечь из объективной ситуации экономическую и идеологическую пользу. Правовой статус и условия содержания военнопленных позволяют говорить о привилегированности этой группы спецконтингента. Особое отношение к ним подчеркивалось постоянным вниманием к проблемам пребывания военнопленных в СССР высших должностных лиц, руководителей партии и государства. О весьма гуманном отношении к военнопленным в СССР (по сравнению с другими спецконтингентами) свидетельствует, в частности, рукописная книга «Военнопленные в Советском Союзе», созданная самими военнопленными⁴⁰. Однако в годы войны и особенно, во время обустройства военнопленных во вновь организованных лагподразделениях им приходилось терпеть серьезные лишения. В послевоенные годы положение военнопленных в целом можно уже считать вполне удовлетворительным по советским меркам. С.Карнер, собравший немало сведений о лишениях военнопленных в СССР, все же не мог пройти мимо наблюдений самих военнопленных, отмечавших, что «у русских было еще меньше, чем у нас»⁴¹.

Повышенное внимание к этому контингенту сказалось и на результативности его труда. В послевоенные годы большая часть военнопленных с успехом справляется с производственными заданиями. Использование труда военнопленных позволяет государству не только мобилизовать их на восстановление разрушенных объектов и строительство новых, но и получить ощутимую прибыль. Части военнопленных удается даже немного заработать и вернуться на родину не с пустыми руками.

Процесс репатриации показал, что советские вожди и от этого контингента постарались получить возможную экономическую выгоду. Сама репатриация рассматривалась Сталиным и его окружением как объективная необходимость. Для них вполне естественным было на первом этапе репатриации освободить из плена тех, кто не мог работать. На завершающих стадиях репатриации политическое руководство использовало те же мотивы трудовой активности, что и при введении зачетов для заключенных. Желание ускорить возвращение хотя бы немного и в этом случае оказалось хорошим стимулом.

Организация труда военнопленных в послевоенное время показательна еще и в том плане, что режим продемонстрировал возможность предоставления спецконтингенту относительно сносных условий труда и быта при его достаточно эффективном трудовом использовании. Правда, это потребовало особого внимания к сравнительно небольшому контингенту военнопленных со стороны самых высокопоставленных руководителей. Однако вожди не считали нужным проявлять подобное отношение ко всем принуждаемым к труду. Это означало, что остальной спецконтингент в принципе не мог жить и работать так, как жили и работали военнопленные.

⁴⁰ См.: РГВА, ф.1/п, оп.21а, д.61, 62.

⁴¹ Карнер С. Указ. соч. С.103.

Политика, проводимая по отношению к интернированным, превращала большую часть из них в наименее обустроенную группу спецконтингента. При этом интернированные-арестованные во многом были приравнены к военнопленным (обеспечение, содержание, медико-санитарное обслуживание и т.д.). Интернированные мобилизованные, в сущности, получили статус, похожий на статус спецпоселенцев и трудармейцев. Но они, в отличие от массы спецпоселенцев и трудармейцев, не имели навыков работы и выживания в советских условиях, плохо понимали по-русски. Отсутствие должного внимания со стороны руководства предприятий, использовавших их рабочую силу, ставило влечивших жалкое существование интернированных на грань жизни и смерти. Они в определенном смысле превращались в обузу для государства, хотя использование их труда позволяло уменьшить дефицит рабочей силы на ряде объектов. В этом случае для государства также на первый план выдвигались мобилизационные возможности использования этого контингента.

Проведение репатриации интернированных, по всей видимости, было обусловлено в первую очередь внешнеполитическими резонами. Однако многое указывает на то, что неудовлетворительные условия их содержания и малопродуктивный труд объективно ставили вопрос либо о целесообразности их пребывания в СССР, либо об изменении условий работы. В целом использование труда интернированных можно охарактеризовать как наименее удачный эксперимент организации принудительного труда. Особенно это касается интернированных-мобилизованных, чье пребывание на советской территории, в отличие от интернированных-арестованных, с одной стороны, не обуславливалось политической необходимостью, а с другой – не давало экономического эффекта, более того, вело к очевидной растрате сил и ресурсов (не говоря уже о страданиях и гибели тысяч людей, что для советских властей не имело существенного значения).

Просуществовали новые категории спецконтингента недолго. Длительность их бытия зависела от конкретных исторических условий, связанных в первую очередь с войной и послевоенной политикой СССР. Задерживать слишком долго одних (военнопленные и интернированные) не позволяли внешнеполитические условия. Оставлять в прежнем статусе других (узники ПФЛ) не было политического резона: фильтрация не могла продолжаться долго лишь для того, чтобы стать оправданием привлечения к труду. Не было и потребности в длительной консервации новых форм принуждения к труду. Для решения экономических и политических задач можно было ограничиться двумя апробированными ранее категориями спецконтингента: заключенными и спецпоселенцами. Военнопленные и интернированные, отбыв отмеренный советским истеблишментом срок пребывания на советской земле, репатрируются. Фильтрация заканчивается для одних лагерем или спецпоселением, для других – вливанием в кадровый состав какого-либо предприятия, т.е. переводом в разряд полусвободного советского населения. Трудармейцы получают статус вечных спецпоселенцев, уже знакомый подавляющему большинству из них. При этом они прикрепляются, как правило, к тем же предприятиям, куда были мобилизованы.

В заключении подведены основные итоги исследования, сформулированы обобщающие выводы.

Спецконтингент в эпоху сталинизма стал достаточно массовой и устойчивой группой населения Советского Союза. Более 32 млн. чел. в 1929–1953 гг. попали в исправительно-трудовые лагеря и колонии, в тюрьмы и на каторгу, в ссылку и на спецпоселение, в лагеря военнопленных и проверочно-фильтрационные лагеря, были мобилизованы по разрядам НКВД в трудармию и интернированы. Рекрутирование этого слоя происходило вследствие решения политическим руководством страны двух глобальных задач: предупреждение появления оппозиции и создание источника мобильной и дешевой рабочей силы. Причем, очевидно, что приоритет отдавался решению второй задачи, и лишь в отдельные годы, например в 1930 и 1937–1938 гг., собственно репрессивная составляющая пенитенциарной политики выходила на первый план.

Форма попадания в зависимость определяла социальный статус каждой категории спецконтингента, степени свободы и несвободы носителей этого статуса. Это, в свою очередь, воздействовало на социальные процессы внутри каждой страны, определяло социальное поведение входящих в нее людей.

Люди, входящие в ту или иную группу зависимого населения, могли осознавать свою принадлежность только к ней и не осознавать принадлежность к объединяющей их всех общности – к спецконтингенту. Подобную «карту действительности» могли видеть и сторонние наблюдатели, в том числе, исследователи. И это не случайно. Спецконтингент составлял *необъявленную часть социальной структуры общества*. Государственные мужи не были заинтересованы в демонстрации реального места и роли этой социальной страны в «обществе победившего социализма».

Таким образом, для спецконтингента характерно позиционирование в качестве теневой части социальной структуры советского общества. Важнейшей чертой генезиса этого социального слоя становится *доминирующее влияние государственной политики* на его формирование (по сравнению с другими социальными слоями советского общества).

Спецконтингент – *сборная категория зависимого населения*, совокупность социальных групп, для которых характерно собственное социальное ранжирование. Важной чертой, присущей большей части спецконтингента, является *отсутствие наследования статуса*, временный и незакрепленный характер пребывания в навязанной социальной роли. Исключение составляет целый ряд категорий спецпоселенцев, для которых было характерно наследование статуса на протяжении длительного времени. Вре-

менность принадлежности к дискриминируемой социальной страте, сопряженная с очевидным стремлением людей изменить свой неполноправный социальный статус, позволяет характеризовать спецконтингент как *наиболее маргинализированный слой* советского общества. Это, в частности, обуславливало ряд особенностей его социального поведения.

Но при повышенной социальной мобильности спецконтингента для всех входящих в него категорий характерны *ограничения вертикальной социальной мобильности* (имеется в виду возможность продвижения вверх по социальной лестнице). При этом с препятствиями сталкивались не только непосредственные жертвы политических репрессий, но и их дети и родственники.

Спецконтингент как системный элемент советского общества выполнял целый ряд *социальных функций*, важнейшими из которых можно назвать *производственную* (использование труда), *репрессивную* (отчуждение собственности, подавление сопротивления, изоляция) и *предостерегающую* (запугивание остального населения).

От вольнонаемных рабочих спецконтингент отличает отсутствие привилегий, представлявших в советском обществе, по замечанию социологов В.В.Радаева и О.И.Шкаратана, «базовый способ распределения благ фактически для всех»⁴². Рабочие, представлявшие слой полноправных исполнителей, получали часть благ вследствие обладания определенными привилегиями (путевки в санаторий, облегченный доступ к высшему образованию через рабфак, упрощенный путь к членству в ВКП(б) и т.п.). Спецконтингент же являлся *лишенным привилегий слоем*. И одно это отделяет его от рабочего класса, не говоря уже о таких требующих специального изучения сложных общественных явлениях, как идентификация, корпоративность, социальные интересы и т.д. Таким образом, *анализ роли спецконтингента помогает выявить латентную сущность советского этатристического общества*.

Режим проводит своеобразные эксперименты, то увеличивая, то уменьшая различные сектора сферы принудительного труда, варьируя условия труда и быта, стремясь найти наиболее оптимальные для себя формы трудовой мобилизации (в широком смысле этого слова).

Бесчеловечные эксперименты по использованию принудительного труда в начале 30-х гг., наряду с другими факторами, приводят к смене парадигмы экономического поведения государства: рентабельность приносится в жертву выполнению плана любой ценой.

Функционирование хозяйства Пермского региона в годы Великой Отечественной войны подтверждает чрезвычайную значимость использования принудительного труда для мобилизационной экономики. Эвакуация ряда предприятий на Урал, превращение его в опорный для оборонной промышленности край потребовали скорейшей мобилизации на Урал трудовых ресурсов. В результате в 1943–1944 гг. доля спецконтингента составила около 30% общей численности рабочих Урала. Вплоть до начала 50-х гг. эта доля оставалась значительной.

Некоторые ученые и публицисты связывают свои оценки экономики СССР с категориями рентабельности-убыточности. Такой анализ, конечно, не лишен смысла. Однако исследование показало, что оценивать качество управления советской экономикой по меркам экономического рационализма бесперспективно. В первую очередь потому, что предприятия и ведомства объективно не были заинтересованы в повышении экономической эффективности своей деятельности. Точнее, этот интерес не был главным. Главным же для управленческой элиты было укрепление своей власти, от которой в наибольшей степени зависели социальный статус, доходы, привилегии. Это во многом объясняет, почему сравнительный анализ конкретных данных о результативности труда зависимых (спецконтингент) и полусвободных (вольнонаемные рабочие, колхозники) слоев населения не продемонстрировал существенных отличий в показателях, характеризующих экономическую эффективность. Наряду с этим обнаружены очевидные свидетельства, показывающие, что важнейшим критерием оценки качества управления трудовыми ресурсами для власти предержащих являлось использование мобилизационных возможностей использования рабочей силы; экономическая эффективность рассматривалась лишь как второстепенный показатель.

Если говорить об эффективности функционирования всей социально-экономической системы в целом, то можно сказать, что формирование и использование такой социальной страты, как спецконтингент являлось одним из важнейших факторов поддержания стабильности системы. Спецконтингент становится ее функционально необходимой стратой. Труд спецконтингента использовался там, где привлечение других категорий населения было связано с нежелательными для системы издержками. Кроме того, повышенная, по сравнению с другими социальными слоями общества, степень зависимости облегчала манипулирование спецконтингентом в реалиях директивно-плановой экономики, снимала целый ряд неопределенностей, которые следует учитывать, организуя труд более свободных страт.

Сопоставление масштабов применения принудительного труда тех или иных категорий спецконтингента, их роли в экономике страны показывает, что в первой половине 30-х гг. самой массовой принуждаемой к труду категорией были спецпереселенцы. В то время, когда проводились «эксперименты» с использованием труда десятков тысяч заключенных, сотни тысяч бывших крестьян поднимали стройки первых пятилеток. Во второй половине 30-х гг. акцент переносится на эксплуатацию труда заключенных. Заключенные и в дальнейшем составляли наиболее значимую составляющую спецрабсилы. Можно выявить причины, делавшие заключенных наиболее удобным для привлечения к труду контингентом. Это

⁴² Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С.273.

был самый маргинализированный, максимально лишенный связей с родными и близкими, максимально оторванный от собственности и жилища, наиболее бесправный слой – идеальная рабочая сила для мобилизационной модели экономики.

Сопоставление социально-экономического и правового положения различных категорий спецконтингента позволяет выделить среди них, по крайней мере, одну относительно привилегированную группу – военнопленных. По сравнению с другими несвободными контингентами уровень их питания и бытового обустройства оказался немного выше, а лагерный режим – либеральнее. Правовой статус военнопленных в сравнении с другими изучаемыми группами в большей степени определялся законодательными актами и международными правовыми нормами и в меньшей степени – ведомственными инструкциями. Военнопленные в меньшей степени, чем советские заключенные, испытывали произвол лагерного начальства. Определялось все это, в первую очередь, внешнеполитическими соображениями.

Если исходить из формальных критериев, то среди других контингентов наибольшей степенью свободы обладали спецпоселенцы. Однако в отдельные периоды или в отдельных районах (на конкретных предприятиях) те же спецпоселенцы становились настоящими париями общества, условия труда и быта которых могли быть даже хуже, чем у заключенных. Если принять во внимание бессрочный характер ссылки подавляющего большинства депортированных, то вряд ли корректно характеризовать их положение как более выигрышное, чем положение заключенных с небольшим сроком лишения свободы или узников ПФЛ, время прохождения фильтрации которыми чаще ограничивалось месяцами. Формально признаваемая государством личная свобода трудармейцев также не отражает очевидных, по сравнению со спецпоселенцами, ограничений степеней свободы (военный характер организации труда, отсутствие семей и т.п.).

Изучение жизни и труда спецконтингента на региональном уровне позволяет увидеть, что многое зависело от времени, места, ведомства, предприятия, личности руководителя и т.д. Только обобщение совокупности региональных исследований даст возможность получить ответы на целый ряд вопросов, решение которых на сегодняшний день видится как гипотетическое. К ним, к примеру, можно отнести вывод об отсутствии в условиях советской социально-экономической системы существенной зависимости экономической эффективности (результативности) производства от формы привлечения к труду рабочей силы, т.е. от использования принудительного или вольнонаемного труда. Это позволяет ставить вопрос об определяющей роли мобилизационного фактора в политических оценках эффективности экономики и мобилизационном характере социально-экономической системы в целом.

Сравнение положения спецконтингента в Пермском крае с другими регионами его массового сосредоточения позволяет судить и о типичности социального и правового статуса, бытового обустройства и снабжения подведомственных НКВД контингентов. Это позволяет выдвинуть гипотезу о возможности экстраполяции полученных при изучении Пермского края результатов и на другие регионы. Проведение комплексных исследований жизни спецконтингента в других областях СССР позволит уточнить и дополнить наши представления по этой многоаспектной проблеме.

Возрастание доли принудительного труда становится еще одним свидетельством *архаизации общества* в 30–40-е гг. Под красной вывеской самого передового общества, где победил свободный труд, мы находим средневековые социальные институты, без которых система не могла обойтись.

Последствиями перетряски через тюрьмы, лагеря и спецпоселки огромного количества людей стали миллионы загубленных человеческих жизней и изломанных судеб, социально-экономическая деградация, криминализация общества, во многом воспитанного зоной, приобретенная многими привычка воспринимать труд как наказание и стремление к «туфте». Еще прочнее утверждаются в обществе культ насилия, презрение к гуманитарным ценностям, привязанность к административным методам управления.

В приложениях сконцентрирован вспомогательный цифровой материал по теме диссертации, сведенный в таблицы.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монография

1. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). Екатеринбург–Пермь: УрГУ-ПГПУ, 2003. (25 п.л.)

Статьи

2. Спецконтингент как слой советского общества конца 20-х — начала 50-х годов // Вопросы истории. 2004. № 3. (1 п.л.)
3. Заостряя полемику (Круглый стол «Советское прошлое: поиски понимания») // Отечественная история. 2000. № 5. (0,3 п.л.)
4. Страницы истории пермских островов ГУЛАГа// Страницы истории Урала. Вып.2.- Пермь: Пермский пед. университет, 1996. (В соавторстве с В.Г.Киселевым). (0,5 п.л.)

5. Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 - 1980-е годы). Н.Тагил: Нижнетагильский пед. институт, 1997. (1 п.л.)
6. Спецконтингент в Пермской области (1929 - 1953) // Годы террора. Пермь: Изд.-во "Здравствуй", 1998. (3 п.л.)
7. Государство Усоллаг // Карта, 1999, № 24-25. (0,3 п.л.)
8. Спецконтингент советского тоталитарного общества: некоторые особенности социального и правового статуса (на примере Пермской области) // Права человека в России: прошлое и настоящее, Пермь, 1999. (1,2 п.л.)
9. Протокол одного заседания // Карта, 2001, № 30-31. (0,2 п.л.)
- Спецконтингент на Северном Урале в годы Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа. Екатеринбург: Изд.-во «Волот», 2001. (0,5 п.л.)
10. Быт спецпоселенцев Молотовской области (1945-1953) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I-II. Пермь: ПГПУ, 2001. (0,8 п.л.)
11. Проблема эффективности принудительного труда в СССР (1929-1953 гг.) (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. (0,9 п.л.)
12. Персонально ориентированные массовые источники для создания баз данных по спецпоселенцам // Возвращенные имена: Материалы к семинарам-тренингам. Н.Тагил, 2002. (1,5 п.л.)
13. Политический заключенный: кто он? // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Часть третья. Т.1. – Пермь, 2003. (0,1 п.л.)
14. Трактровка политических репрессий в вузовских учебниках по советской истории // Вестник института Кеннана в России. Вып.4. М., 2003. (0,2 п.л.)
15. Политическая история: Россия - СССР - Российская Федерация // Вестник Московского педагогического университета. Серия "История". Вып.1. М., 1998. (1 п.л.)

Опубликованные доклады и тезисы выступлений на конференциях

16. Сопротивление советской оккупации в Кенигсбергском регионе (по материалам Пермских лесных лагерей) // Тоталитаризм и сопротивление. Пермь: Пермский пед. институт, 1994. (0,1 п.л.)
17. Навязывание социалистического отношения к труду в ГУЛАГе в сороковых годах // Тоталитаризм и личность. Пермь: Пермский пед. институт, 1994. (В соавторстве с С.И.Важениным) (0,1 п.л.)
18. Возможности использования материалов, переданных региональными управлениями КГБ на государственное хранение // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: Омский университет, 1995. (0,1 п.л.)
19. К вопросу о границах самоуправства гулаговских начальников на местах // Профессионалы за сотрудничество. Вып.1. М.: "Янус-К", 1997. (0,2 п.л.)
20. Использование архивных документов в освещении истории политических репрессий // Архивы. Вузы. Школы. Пермь: Комитет по делам архивов администрации Пермской области, 1997. (0,1 п.л.)
21. К вопросу о правовом положении трудармейцев в Пермской области в годы Великой Отечественной войны // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь: Пермский университет, 1997. (0,1 п.л.)
22. Быт трудармейцев в Пермской области // Взгляд на историю Прикамья на пороге XX века. Пермь: Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области, 1997. (0,1 п.л.)
23. Проблема общественного согласия и принудительный труд в годы Великой Отечественной войны (на материалах Пермской области) // Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современность. Екатеринбург: Уральский университет, 1998. (0,2 п.л.)
24. Проблема принудительного труда в современной исторической науке // Проблемы исторического и обществоведческого образования в системе "Школа-ВУЗ". Пермь, 1998. (0,2 п.л.)
25. К вопросу о механизмах принуждения к труду в годы Великой Отечественной войны (на примере треста "Молотовнефтьстрой") // Урал в прошлом и настоящем. Часть I. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1998. (0,2 п.л.)
26. К вопросу о подсчетах количества жертв политических репрессий в Пермской области (1929-1953 гг.) // Политические репрессии в истории России. Пермь: ГАНИОПД, 2000. (0,2 п.л.)
27. К изучению пермских проверочно-фильтрационных лагерей // Политические репрессии в истории России. Пермь: ГАНИОПД, 2000. (0,1 п.л.)
28. Идеологический контроль и идеологическая обработка спецконтингента в 30-х – начале 40-х гг. (на примере Пермской области) // Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР. Н.Тагил: НТГПИ, 2000. (1 п.л.)

Учебные пособия и коллективные монографии

29. История России (1917-1995): Учеб. пособие. Пермь: Пермский пед. университет, 1995. (20 п.л.)
30. История России. 1917-1997: Учеб. для вузов. Пермь: Пермский пед. университет, 1997. (20 п.л.)
31. Страницы истории земли Пермской: Учебное пособие. Вып.2. Пермь: Книжный мир, 1997. (В соавторстве с Н.А.Агафоновой, А.М.Белавиным, Н.И.Крыласовой, М.Г.Нечаевым). (20 п.л.)

32. Пермь: от основания до наших дней. Пермь, 2000. (В соавторстве с А.М.Белавиным, М.Г.Нечаевым, Г.Д.Селяниновой, Г.Ф.Станковской и др.) (24,5 п.л.)
33. Политические репрессии в СССР: Программа спецкурса для специальности 032600 – История. Пермь, 2003. (0,4 п.л.)

Подписано в печать 22.07.04. Формат 60x84 1/16
Бумага «Гознак». Усл. печ. л. 2.
Тираж 120 экз. Заказ №
Отпечатано на ризографе предпринимателем Богатыревым П.Г.
Свидетельство ВГ № 16396 от 06.08.98,
выданное адм. Свердловского района г.Перми
Адрес: г.Пермь, ул.Пушкина, 110, оф.122.